

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 46 (1092)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья В. Зорькина «Экономика и право: новый контекст», опубликованная в «Российской газете», № 6385, 22 мая 2014 года.

Вологда
май, 2014

Экономика и право: новый контекст

Сегодня необходимо сделать акцент на исторических и социокультурных истоках «горячих» юридических проблем.

Сейчас уже мало у кого вызывает сомнения тот факт, что мы входим в беспрецедентный в новейшей истории переломный этап международных отношений. Прозвучавшие в мировой и российской прессе заявления о начале новой «холодной войны» уже не являются проходной риторикой безответственных аналитиков. Слишком много признаков «холодной войны» уже просматривается в реальной мировой политике. Элементы экономической «холодной войны» уже налицо в принимаемых против России санкциях. И, главное, развитие мировой ситуации предъясвляет нам новые тенденции и риски, вносящие в разворачивающуюся «холодную войну» элементы войны «горячей».

Все это ставит нашу Россию – причем, подчеркну, ставит очень резко, – перед сложными новыми вызовами. И требует не только быстрого и одновременно глубокого осмысления, но и форсированной разработки концепции, методологии и технологий адекватных ответов на эти вызовы. В том числе ответов юридических, правовых.

Прежде всего, несомненно то, что встающие перед нами вызовы, как и в эпоху предыдущей холодной войны, являются системными – политическими, информационно-пропагандистскими, экономическими и далее, не исключено, военно-стратегическими. Несомненно и то, что нынешняя Россия по демографическому, экономическому, оборонно-мобилизационному потенциалу и кругу союзников гораздо слабее, чем в предыдущую эпоху противостояния советского и западного блоков. Несомненно и то, что эти вызовы нарастают в условиях продолжающегося и глубоко затронувшего Россию глобального системного – не только экономического – кризиса.

В сфере нашей профессиональной компетенции и ответственности находится такой аспект этого кризиса, как размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов индивидуального, социального, международного поведения. Поведения бытового и институционального, идентификационного и социокультурного, экономического и политического.

Этот кризис правовой сферы, по моей оценке, является следствием глобального кризиса социальной регулятивности. Причем я убежден, что этот кризис особенно глубоко затронул нашу Россию в силу беспрецедентных в мировой истории масштабов и темпов ее постсоветской политической, экономической и социальной трансформации.

Мы находимся в ситуации глобальной исторической турбулентности и, более того, в ее эпицентре. И потому, обсуждая кризис и его правовые (здесь, прежде всего, экономико-правовые) аспекты, я считаю необходимым сделать акцент не на «горячих» и актуальных юридических проблемах, а на их исторических и социокультурных истоках, традиционно относящихся к философии права. И начну с вопросов социальной регулятивности.

1. Социокультурные регуляторы и право

Напомню, что, по оценкам большинства теоретиков права, все исторические кодифицированные правовые системы формировались из древнего права обычая, в той или иной степени освященного религией, традицией и культурой. И неизменно содержали в себе более или менее узнаваемые в правовых кодексах представления о должном и справедливом, дозволенном и табуированном, благом и греховном, опирающиеся на географически конкретный и исторически специфичный культурный пласт.

Мировая история полна свидетельств о том, насколько различен оказывался «корневой» культурный пласт, определяющий эти первичные правовые представления. И именно эти различия между локальным низовым обычным правом в разных частях становящихся все более глобальными империй древности и средневековья – вызвали к жизни потребность унифицирующей правовой кодификации.

Эта кодификация была призвана исключать или, по крайней мере, смягчать неизбежные при столкновениях разных культур правовые коллизии. За счет чего? За счет того, что эта кодификация фактически «накрывала» разнородные (и всегда хотя бы отчасти взаимно-конфликтные) ло-

кально-культурные, этноплеменные и этнорелигиозные представления о справедливости единым колпаком системы правопонимания и правоприменения, допустимой для всех интегрируемых племен с их культурами.

Всегда ли это удавалось? Конечно, не всегда. Если между интегрируемыми племенами были большие «корневые» этноплеменные различия (на современном языке – социокультурные дистанции), то единого неконфликтного правопонимания и правоприменения добиться не удавалось. И тогда «неинтегрируемые» объявлялись варварами, и среди них римский закон насаждался римским мечом – до тех пор, пока они не склонялись перед мечом и не начинали исполнять закон. Именно на этом фоне возникала, в тех или иных формах, знаменитая формула верховенства кодифицированного права над разнообразными пониманиями справедливости, дошедшая до современности в виде the rule of law.

Тем не менее, большинство представлений о справедливом и должном в расширявшемся мире оказывались – при иногда существенных частных различиях – едины. Едины в силу единства человечества. Большинство, но не все. И по мере расширяющейся глобализации мира эти различия влияли – иногда сложно и болезненно – на становление правовых систем.

Но при этом все крупные правоведы подчеркивали, что кодифицированное право должно быть согласовано с массовыми внутрисоциальными представлениями о справедливом и должном.

Так, например, Шарль Монтескье в трактате «О духе законов» писал: «законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением».

Позже Пьер Бурдьё указал, что право «может быть действительно лишь в той мере, в какой ему удастся получить признание». Юрген Хабермас подчеркнул, что в эпоху Модерна частные социальные представления о нормах (включая нормы справедливого и должного) могут различаться, как никогда в предыдущие эпохи. А далее написал: «социальная интеграция посредством права не будет восприниматься как репрессивная, ...если само право способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами».

Объединяя концептуальные представления Бурдьё и Хабермаса, можно сформулировать следующее. Эффективной является такая правовая система, в которой правоустановление и правоприменение (включая толкование закона) вызывает согласие подавляющего социального большинства и, тем самым, обеспечивает легитимность права в глазах этого большинства.

2. Экономическое право рыночного хозяйства

Правовые регуляторы должного и справедливого в экономической деятельности во все эпохи имели особое значение. И понятно, почему: они наиболее прямо и непосредственно относились к главной, витальной сфере воспроизводства индивида и общества.

Именно в организации хозяйственно-экономической деятельности с древних времен возникала и работала наиболее детальная система обычаев и затем правовых норм. И именно сюда, начиная с ранних этапов становления государственности, был направлен особенно пристальный интерес законодателя и социально-экономического агента. Об этом свидетельствует хотя бы то, что экономическим нормам, экономическим спорам и экономическим расчетам посвящена огромная часть обнаруженных археологами ассиро-вавилонских письменных табличек и древнеегипетских папирусов.

Экономической нормативности, в том числе с позиций справедливости, посвящена значительная часть трактата Аристотеля «Политика». Где он, в частности, проводит разграничение между «справедливой и благой» экономикой (создание и оборот необходимых благ, удовлетворяющих человеческие потребности) и «несправедливой и неблагоприятной» хрематистикой (страсть к накоплению, поклонение прибыли и богатству). А также указывает, что в устойчивом демократическом полисе требуется обеспечивать «умеренный достаток» всех граждан.

Экономической нормативности уделяется немалое внимание в канонических текстах крупнейших мировых религий - христианства, ислама, индуизма, конфуцианства. Напомню, в частности, максимуму из Евангелия от Матфея «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное». И все специалисты признают, что экономическая история европейской ойкумены почти два тысячелетия была буквально

«пропитана» христианской религиозной нормативностью «справедливого и должного».

Новое время с его бурным развитием капиталистической экономики приводило к неуклонному усложнению всех сфер экономической деятельности. И, соответственно, востребовало все более развитую систему правового оформления этой деятельности. Причем такое оформление, опять-таки, все время опиралось на этико-моральную нормативность массовых социальных (то есть, прежде всего, христианских) представлений о справедливом и должном.

А эти представления менялись, особенно – в протестантизме. В связи с этим нельзя не вспомнить глубокие работы Макса Вебера («Протестантская этика и дух капитализма») и его последователей, показывающие, как именно новый массовый протестантский нормативно-этический дух, включающий представления о честном (благом и справедливом) обогащении, становился «мотором» беспрецедентного экономического рывка Европы Нового времени.

Новейшее время, с его все более массовой секуляризацией общества, неизбежно меняло «внутреннюю» систему мотиваций экономических агентов. Вместе с неуклонным расширением представлений о неотъемлемых человеческих свободах происходила все более глубокая индивидуализация и акцентирование индивидуальных эгоизмов как новой моральной нормы.

Видимо, наиболее ярко это сформулировал в середине XIX века немецкий философ Макс Штирнер в работе «Единственный и его собственность». В ней Штирнер настойчиво провозгласил, что внутренние представления о справедливом и должном – разные у всех людей, и что они в своих действиях руководствуются прежде всего собственным эгоизмом.

Отсюда следует, что эти внутренние личностные представления теряют свое значение общественных интеграторов. И, значит, почти вся нагрузка регулирования социально-экономического и политического порядка ложится на «внешнее» кодифицированное правоустановление и правоприменение.

Этот принцип к исходу XX века полностью пропитал всю западную юриспруденцию, и в том числе систему экономического права. Знаменательно, что экономическими теоретиками современности уже написано и пишется множество ис-

следований, доказывающих, что единственная забота экономического актора-предпринимателя – это прибыльность его деятельности в рамках нормативных правовых ограничений юридических кодексов, и что он будет тем успешнее, чем меньше станет вспоминать о морали и каких-либо социальных последствиях своих действий.

Сопряжение права и справедливости в хозяйственно-экономической деятельности при этом целиком и полностью возлагается на государство и его юридические нормотворческие институты. И на эту тему также появляется все больше теоретических работ в русле обоснования «этической экономики», «справедливой экономики», «морально-правовой экономики», а также путей перехода от формально-юридического экономического равенства граждан к «справедливому обществу».

3. Экономическое правосознание и Россия

Специфика массового экономического правосознания в России определяется тем, что она никогда не жила при развитом капитализме. В ходе реформ Александра II в последней трети XIX века довольно быстро выяснилось, что и в городе, и особенно в деревне развитие капиталистических рыночных отношений тормозится специфической православной нормативностью, пропитанной подозрительностью к обогащению и богатству, а также многовековыми общинными традициями. В связи с этим стоит отметить, что стихийная «война с кулачеством» в российской деревне развернулась еще до начала реформ Петра Столыпина, обострилась в начале XX века и была лишь завершена в ходе советской коллективизации. (Отмечу в скобках, что российская массовая народная специфика мироощущения и представлений о справедливости проявлялась не только в сфере хозяйственно-экономической, но и в сфере социальной и политической. И не могла не влиять на размышления отечественных философов. Особенно тех, кто мыслил категориями человеческого всеединства и думал о соотношении всеобщего, общечеловеческого – и особенного, культурно-специфического. Конечно же, в первую очередь российского специфического. Вокруг этой проблемы концентрировались исследования Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Павла Флоренского, Владимира и Николая Лосского и многих других. И практически все они приходили к выводу о том, что путь к человеческому все-

единству лежит не через унификацию, но через симфонию разных культур.)

Далее краткий период достаточно бурного становления российского капитализма на рубеже XX века – оказался прерван революцией. И возвратом к тем – конечно же, очень проблемным – типам уравнительной общинности, которые назывались социалистическим коллективизмом, но в действительности в очень большой степени наследовали религиозные (прежде всего, православные) социально-культурные коды. Причем советская эпоха почти полностью «вымыла» из массового сознания те элементы «рыночного» экономического правопонимания, которые вызрели в имперскую эпоху, и не создала практически никакой новой кодифицированной экономической нормативности, имеющей непосредственное отношение к самостоятельной хозяйственной деятельности индивидов и коллективов.

Постсоветский перелом всех сфер российской жизни в направлении демократической государственности и рыночной экономики в этом смысле был не менее социально-катастрофичным, чем перелом социалистической революции. И потому, что в новой России почти никто не был приучен «думать рыночно». И потому, что российское юридическое сообщество не имело никакого опыта кодификации рыночных норм. И потому, что был задан предельно шоковый темп и масштаб социальных, политических и экономических реформ, не дающий времени на осмысление непрерывно меняющейся реальности, серьезный мониторинг текущих результатов реформирования и рациональную коррекцию хода реформ.

В результате постсоветскому обществу навязывались – поскольку своего правового аппарата не было – фрагменты чужой, западной правовой экономической нормативности, которые, отмечу, вызревали в совсем иной культурно-нормативной среде сотни лет. Причем специфика этого навязывания (о чем сейчас уже достаточно откровенно и доказательно говорится и в России, и за рубежом) включала вопиюще неправоное приватизационное распределение крупной собственности, созданной трудом многих поколений, узкому кругу лиц, приближенных к новой власти или связанных с криминальной и субкриминальной средой.

Результаты таких реформ воспринимались (и воспринимаются) российским массовым сознанием как глубоко несправедливые. И потому, что

возникающие в стране «очаги богатства» никоим образом не определялись какими-либо заслугами тех, кто это богатство получал. То есть грубейшим образом нарушали традиционный культурно-нормативный (досоветский и советский) принцип распределения «по труду». И потому, что реформы резко обрушили благосостояние подавляющего большинства граждан страны. И потому, что результатом реформ оказывалось неуклонное умаление той – привычной и казавшейся неотменимой нормой – системы социальной защиты, которая в советскую эпоху позволяла даже малоимущим не сваливаться в глубокую маргинальность.

Все это вызывало и воспроизводило массовое глубокое недоверие к «рыночным реформам», к власти, которая проводила такие реформы, и к системе законодательных норм, которые кодифицировали новую постсоветскую реальность. И я должен с горечью признать, что именно эти обстоятельства, в значительной мере дискредитирующие записанные в Конституции титулы Российской Федерации как демократического правового социального государства, по-прежнему в решающей мере мешают российскому обществу взять «правовой барьер». Вместо роста массовой социальной легитимации экономического права, о котором писали Хабермас и Бурдье, происходит стагнация или даже ослабление этой легитимации.

Конечно, можно сказать, что российскому капитализму нет еще и четверти столетия, а на Западе он создавался, регулировался, трансформировался половину тысячелетия, и только таким образом глубоко вошел в плоть и кровь общества. Однако у меня нет сомнения, что нам в России на сближение между массовыми социокультурными хозяйственными нормами и кодифицированным экономическим правом – столько времени не отпущено. И нет сомнения в том, что «проявлять терпение и ждать» мы не можем и не должны.

Но прежде всего мы не должны допускать ошибки правоустановления и правоприменения, усугубляющие описанную мною проблемность ситуации разрывов между правом и массовыми представлениями о должном и справедливом.

Что я имею в виду?

4. Российское экономическое право: ключевые проблемы

Начну с принципа социального государства, который заявлен в нашей Конституции. Это поня-

тие, впервые сформулированное в XIX веке немецким ученым Лоренцем фон Штайном, сегодня вошло в Основной закон большинства развитых стран мира, и предполагает ответственность государственной власти за обеспечение жизненно-необходимых условий существования и развития всех граждан. Более того, сейчас многие правове-ды в разных странах считают необходимым при-дать социальным правам такой же уровень консти-туционной значимости и защиты, как правам гражданским и политическим.

СССР, при всех несомненных социально-политических и экономических искажениях обще-человеческих норм, был социальным государ-ством. Россия совершенно обоснованно унаследо-вала этот принцип в своем основном законе, одна-ко, признаем, в первое десятилетие реформ его ре-ализовала в совершенно недостаточной степени.

В первое десятилетие XXI века положение постепенно, хотя и очень медленно, выправля-лось. И подчеркну, что в наиболее тяжелой ста-дии нынешнего экономического кризиса россий-ская власть объявила поддержку государственной системы социальной защиты своим высшим при-оритетом, и действительно сделала очень много для того, чтобы сохранить ее финансирование на докризисном уровне.

Но при этом нельзя не указать на то, что наша правоустанавливающая практика нередко делает грубые ошибки, которые не только ставят под сомнение социальные права значительной части общества, но и вызывают острые и масштабные социальные конфликты.

Наиболее яркий пример – так называемый «Закон о монетизации льгот» (№122 ФЗ 2004 го-да), который привел к почти повсеместным мас-совым публичным протестам. Сейчас я вижу риск «наступить на те же грабли» в связи с изменения-ми в пенсионном законодательстве. В Конститу-ционный Суд уже поступают жалобы на то, что по этому законодательству гражданин не может не только спрогнозировать свой «пенсионный» материальный достаток, но даже исчислить ре-альную сумму пенсии. То есть просто не в состо-янии планировать свое «пенсионное будущее».

Аналогичная проблема сейчас возникает с за-конодательными новациями, передающими зна-чительную часть обязательств социальной защи-ты на уровень субъектов Федерации. Сейчас к нам уже поступают жалобы на то, что во многих

регионах заходит речь о ликвидации социальных льгот ветеранам боевых действий, а также вете-ранам войны и труда.

Причиной называют то, что бюджетов регио-нов, снизившихся в ходе экономического кризи-са, на все социальные выплаты не хватает. Но ведь это, подчеркну, установленные законом обя-зательства государства. И их нарушение является очередным поводом для массового недоверия и к закону, и к государству. На что и был вынужден реагировать своими определениями и постанов-лениями Конституционный Суд.

Следующая российская проблема, которую я считаю необходимым здесь затронуть, – пробле-ма вопиющего экономического неравенства граждан. Одним из его исчисляемых показателей является так называемый децильный коэффици-ент («дециль») – отношение совокупных доходов десяти процентов наиболее обеспеченного насе-ления к совокупным доходам десяти процентов самых малообеспеченных.

Мировая история показывает, что превыше-ние децилем уровня 10 нередко приводит госу-дарство к масштабной социальной, политической и экономической нестабильности. В скандинав-ских странах власть начинает беспокоиться, ко-гда дециль превышает 4, в Германии – когда в какой-либо из федеральных земель дециль пере-ходит за пороговое значение 6.

В сегодняшней России дециль, по данным Рос-стата, в кризисе вырос с 15 до 17 и продолжает рас-ти. Но это – в среднем. В некоторых субъектах Фе-дерации и крупнейших городах дециль уже более 30, а многие эксперты утверждают, что оценочный учет «теневой» экономической деятельности дает значения дециля, превышающие 50. Причем массо-вое сознание считает главной причиной столь во-пиющего неравенства доходов незаконность и не-справедливость постсоветского «стартового» рас-пределения общенародной собственности.

Мне уже приходилось говорить и писать о том, что адекватной политической и юридической реак-ции на эти факты нет и что она необходима. Необ-ходима хотя бы потому, что незаконность множе-ства эпизодов постсоветской крупной приватизации выявлена, признана и доказательно освещена и ана-литическим докладами Счетной палаты, и экспер-тизами Всемирного банка. Однако все чаще прихо-дится слышать (в том числе, от представителей юридического сообщества), что, якобы, юридиче-

ская и психологическая давность этих событий позволяет о них «забыть», и что это забывание в обществе уже происходит.

Убежден, что это не так. Я по роду профессии хорошо знаю, что в нынешней России собственность (и в особенности крупная прибыльная собственность) так и не приобрела полноценной легитимности. И знаю, что с ощущением сомнительной легитимности своей собственности живет даже значительная часть успешных крупных предпринимателей, в том числе таких, у которых нет сомнения в законности приобретения и наращивания этой собственности. Более того, по признаниям этих предпринимателей, именно до сих пор сомнительная легитимность российской собственности в большой степени ответственна за такие ключевые проблемы нашей экономики, как ее существенно повышенный в сравнении с мировыми нормами «теневой» (субкриминальный и криминальный) сегмент, коррупция, рейдерство, а также низкий уровень неспекулятивных инвестиций – и отечественных, и зарубежных – в российские активы.

Специалисты знают, что все постсоветские годы в экономико-юридическом сообществе активно обсуждаются различные варианты окончательной правовой легитимации постсоветской крупной собственности, полученной в ходе сомнительной «ваучерной» приватизации, залоговых аукционов, рейдерских захватов и непрозрачных сделок с заинтересованностью. Вариантов много – от реприватизации и национализации этой собственности до компенсационных выплат владельцами или перевода доходов от такой собственности в законодательно отчисляемые всем гражданам рентные платежи.

Данная статья – не место для обсуждения этих вариантов. Однако, как представляется, без такой легитимации – ясной, открыто и подробно обсужденной и признанной справедливой широкими массами – нам не обойтись. Отговорки «давности» и цепочек «честных выгодоприобретателей», увы, здесь не проходят.

Подчеркну, что речь идет не только о преодолении рисков социально-экономической и политической неустойчивости страны, которые связывают с обозначенной выше «ловушкой неравенства». Хотя в нашей Конституции – в отличие от Основного закона Германии, например, – нет формулы «собственность обязывает», прямо адресующей к ответственности бизнеса за социаль-

ные права граждан, тем не менее, совокупность ряда статей Конституции России тоже указывает на аналогичные обязательства.

В связи с этим мне крайне странно слышать заявления политиков и экспертов (в том числе, отмечу, и юристов) о том, что социальную нагрузку бюджета необходимо сокращать, поскольку она, якобы, массово воспроизводит «совковый» патернализм и становится чуть ли не главным тормозом эффективного экономического развития страны. То же самое говорится и о социальных обязательствах бизнеса, которые, по тем же причинам, рекомендуется вывести из норм законов в рамки «факультативной» благотворительности.

Авторы такого рода высказываний, похоже, вовсе не принимают во внимание ни обостренные социально-культурным прошлым массовые российские представления об экономической справедливости, ни российский и мировой опыт. Который показывает, что несправедливое распределение тягот реформ и кризисов между различными группами населения приводит в лучшем случае к остановке развития и реформ и затягиванию кризиса, а в худшем к революционным эксцессам.

В связи с этим нельзя не остановиться на теме коррупции. Написано и сказано на тему российской коррупции у нас и за рубежом более чем много. Повторять прописные истины нет смысла. Подчеркну лишь то, что наши законодательные органы до сих пор не приняли окончательных решений о полномочной имплементации Россией ключевых «антикоррупционных» международных документов.

Я имею в виду, в частности, проблемы отчетности должностных лиц не только о своих и семейных доходах, но и декларирования расходов (статья 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией), проблемы ограничения юридического иммунитета выборных должностных лиц, а также правовые нормы, касающиеся решений о конфискации имущества коррупционеров (конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию). Еще раз подчеркну, что отсутствие достаточно жестких юридических санкций в отношении коррупционеров – один из тех разрывов между правом и массовыми представлениями российских граждан о справедливости, который отчетливо подрывает социальную легитимность нашей правовой системы.

Следующая проблема нашего экономического законодательства и форм законоисполнения – это

их нестабильность. Особенно это касается налогового права, которое на сегодняшний день уже прямо и непосредственно касается большинства наших экономически активных граждан.

Соответствующие правовые установления у нас в России оказываются не только чуть ли не перманентно изменяемы, но еще и сопряжены со сложной и объемной отчетностью, которая отнимает у предпринимателя огромные ресурсы времени, внимания и сил. По признаниям граждан, эти обстоятельства нередко просто отвращают их от мысли заняться реализацией возникших предпринимательских идей. И потому, что к моменту реализации может измениться закон, и в его новых рамках идея окажется нерентабельной. И потому, что интеллектуальные, моральные и временные затраты на отчетность могут оказаться психологически соизмеримы с ожидаемым коммерческим результатом бизнеса.

Далее, нельзя не остановиться на наблюдаемых в последнее время попытках значительной части юридического сообщества внести в российскую нормотворческую практику элементы англосаксонского прецедентного права. Которое, подчеркну, в отличие от кодифицированного континентального (прежде всего германского) права, в России никогда не применялось ни в имперской, и в советской, ни в постсоветской юридической истории.

Хочу указать, что различия между этими системами права не только сугубо формальные. Эти различия отражаются в специфике мышления юристов – от законодателя до правоохранителя и от адвоката до прокурора. Эти различия требуют предварительного создания (и организации сложных систем использования) прецедентных доказательных баз. Эти различия требуют принципиально иной организации всего юридического процесса – от разработки законов до их повсеместного применения. И эти различия требуют немалого времени для того, чтобы правоприменение в рамках новой правовой системы могло быть признано справедливым и легитимным массовым российским сознанием.

Потому я убежден, что любые попытки решительно прививать к российской правовой системе англосаксонские юридические «побегии» – неоправданы и разрушительны. Поскольку нигде в мире доказательств преимуществ англосаксонской системы не выявлено, а неизбежный при таких прививках «переходный период» обязательно

хотя бы отчасти хаотизирует и ослабит (и без того пока далекую от совершенства) российскую систему правоустановления и правоприменения.

А это особенно опасно именно сейчас, когда мир явно вступил в очередной этап «глобальной турбулентности», резко наращивающей мировую динамику и ее многоаспектную сложность. Это тем более опасно в связи с тем, что на фоне нынешнего кризиса США все настойчивее пытаются распространять свою внутреннюю систему прецедентного права на граждан и корпорации других стран. И элементы такого права в российской юридической практике могут оказаться лишним и ненужным поводом для внешних посягательств на российский правовой суверенитет.

Я привел здесь лишь некоторые примеры явных нормотворческих ошибок и опасных тенденций в российской законотворческой деятельности. Их список, как хорошо известно специалистам, увы, гораздо шире.

5. Экономика и право: новый глобальный контекст

Сложность и взаимоувязанность глобализованного мира, и в том числе мира экономического, становится такова, что разобраться в происходящих событиях и относящихся к ним правоустановлениях не по силам не только рядовому гражданину, но нередко даже специалисту. В этих условиях такой гражданин в своих оценках обращается не к правовым кодифицированным нормам, а к своему внутреннему ощущению справедливого и должного. То есть, в терминах гегелевской диалектики, на новом витке развития цивилизации человек «отрицает отрицание», отрекаясь при осмыслении событий от соотнесения реальности с кодифицированным правом и адресуясь в своих оценках этой реальности к эмоционально-интуитивным «доправовым» нормам справедливости.

Но в таком поиске осмысления событий этот гражданин сталкивается с современными мегамашинами информационных манипуляций массовыми представлениями о справедливом и должном. То есть оказывается не в «юридическом пространстве» по Пьеру Бурдьё, а в пространстве внеправовых или ложно-правовых интерпретаций права и справедливости. И поскольку за мегамашинами информационных манипуляций стоят разные группы влияния на массовое сознание и

принятие стратегических решений, с разными (нередко – полярными) целями и интересами, их интерпретационные матрицы «манипулятивной справедливости» вызывают у каждой части их аудитории разные, причем взаимно конфликтные, образы реальности. То есть наращивают социокультурные дистанции между приверженцами разных интерпретаций как внутри одного общества, так и в глобальном мире.

Ситуация глобального кризиса обнажила эти обстоятельства в очень высокой мере. Мы увидели, как скандално разоблачаются гигантские финансовые пирамиды вроде пирамиды Мэдоффа, созданные – как бы в рамках закона – самыми уважаемыми бизнесменами при аккуратном коррупционном «прикрытии» со стороны надзорных органов власти. Мы увидели, что крупнейшие глобальные банки, пользуясь пролоббированными этими же банками прорехами в законодательстве, ведут инсайдерскую торговлю заведомо «мусорными» ценными бумагами, выпущенными этими же банками. Мы увидели, что глобальные рейтинговые агентства присваивают ценным бумагам, корпорациям и странам рейтинги не на основе их реального экономического качества, а исходя из специальных политических и экономических интересов элитных групп, контролирующих эти банки.

Мы увидели, наконец, как при «спасении» экономики Кипра были грубейшим образом нарушены основополагающие принципы национального и международного финансового законодательства: без согласия акционеров и вкладчиков банков их «задним числом» обязали «спасать» банки собственными вкладами. Что на юридическом языке называется незаконной экспроприацией.

Подчеркну, что все эти грубейшие нарушения закона сопровождались либо отсылками к «внеморальному» пониманию деловой этики (допустимо и оправданно все, на что нет прямого правового запрета, а законодательство, якобы, не нарушено), либо мощными операциями информационно-пропагандистской манипуляции, нацеленными на их оправдание «высокоморальными» требованиями «справедливости» (мол, банкротить крупнейшие банки – значит ограбить десятки тысяч вкладчиков, а другого способа их спасти, кроме как ограбить часть наиболее богатых вкладчиков – якобы, нет).

Сейчас, в ходе обострения кризиса на Украине, эта политика расширительной интерпретации права и продавливания «внезаконной справедливости» приобретает все более массивный характер и в политике, и в экономике, И начинает представлять собой неприкрытое торжество двойных стандартов, которое обеспечивается солидарной мощью западных мегамашин интерпретаций права и справедливости.

Захват административных зданий в Киеве «майданными» активистами, сожжение и расстрел сотрудников правоохранительных органов эти мегамашинны объявляют «справедливой борьбой народа» против ужасной (хотя и законной) власти. А такой же захват зданий в Донецке и Луганске и борьбу протестующих на Юго-Востоке с незаконными вооруженными формированиями, направленными в регион незаконной новой киевской властью – называют «терроризмом и диверсиями», якобы поддержанными Россией.

Не санкционированные никаким полномочным международным органом экономические санкции против корпораций и граждан России, уже сейчас демонстрирующие вопиющие нарушения священного рыночного принципа свободы торговли, – называют благородными «мерами по принуждению Москвы к поддержке украинского мирного процесса». А требования России оплатить поставки Украине природного газа – объявляют «вопиющим экономическим шантажом».

Уже понятно, что эти тенденции, которые мы вправе назвать холодной экономической войной против России (и которые напрямую затрагивают, в том числе, сферу международного права), в обозримой перспективе никуда не исчезнут. Можно с высокой степенью обоснованности предполагать, что они только разворачиваются и набирают мощь и объем.

Это, во-первых, означает, что от российского юридического сообщества требуется активное и незамедлительное правовое переосмысление системы экономических отношений России в целом и отечественных корпораций в частности с глобальными рынками.

И это, во-вторых, означает, что нашему отечеству – государству и обществу, во всех его сегментах и социальных группах, – не избежать серьезных испытаний всеми видами внешнего (политического и экономического) давления.

Мне могут сказать, что сейчас, на фоне экономического кризиса и конфликта вокруг событий на Украине, российское общество мобилизуется и демонстрирует заметное повышение доверия к государственной власти, и в особенности к ее высшим уровням. И что в условиях такой мобилизации неизбежные тяготы кризиса и конфликта, как и претензии к праву и правоисполнению, в массовом сознании отходят на второй план. (В частности, из мировой практики известно, что в периоды мобилизации общества заметно сокращаются масштабы разного рода юридического сутяжничества.)

Это правда. И это указывает на то, что у нас живое и активное общество, способное к социальной мобилизации. Но и мировой, и российский опыт показывает, что психологический режим такой общественной мобилизации не бывает долговечным, не обходится без серьезных социальных издержек, а далее практически всегда приводит к неблагоприятным (а иногда и разрушительным) постмобилизационным социальным эффектам. К эффектам тем более неправовым и

опасным, чем ниже уровень массовой социальной легитимности правоустанавливающей и правоприменительной системы.

В связи с этим в заключение еще раз подчеркну, что те выводы о необходимости социальной легитимности права (и в особенности экономического права), которые когда-то сформулировали крупнейшие мировые мыслители, сохраняют свое значение. Я глубоко убежден, что разрывы между массовыми представлениями о справедливом и должном и кодифицированной правовой нормативностью – всегда и везде снижают или даже обрушивают действенность права. А вслед за этим грозят обрушить и устойчивую экономику, и устойчивую социальность и государственность, и устойчивый развивающийся глобальный мир.

Делать все возможное для того, чтобы избежать подобного негативного развития российской и глобальной ситуации – в сфере наших юридических обязанностей и нашей общей ответственности.

Валерий Зорькин